

Веселые нищие
(Jolly beggars)
Кантата

Вступление

Когда настанет листопад
И листья по ветру летят,
Кружась сухою, желтой тучей;
Когда в окно стучится град
И щиплет утренник колючий –
Бродяги, странствующий люд,
Вкушая сладостный напиток,
В харчевне пляшут и поют,
Пропив имущества избыток.
Хозяйке сбыв ненужный хлам,
Они кутят напрополую;
Сменяют песни шум и гам
И пляску удалую.

Песнь солдата-инвалида

Я – солдат-молодец, я – бывалый боец,
Этот старый рубец – память славная ран;
Тот – за кралю мою, тот – получен в бою,
В час, когда загремел барабан.

В первый бой выходя, видел гибель вождя
И сражение я сквозь кровавый туман;
Был поход совершен и француз усмирен
И победу гремел барабан.

На последней войне пострадал я в огне:
Ногу правую мне заменяет чурбан, –
Но пошел бы я в бой с деревянной ногой,
Если б грянул поход барабан.

И весной и зимой пусть брожу я с сумой,
Пусть лохмотьями мой называют кафтан –
За бутылкой вина помню я времена,
Как сзывал нас в поход барабан.

Пусть на старости лет мне пристанища нет,

И встречаю рассвет я в дожди и туман –
Выпьет старый солдат – он и черту не брат,
Если грянет поход барабан!

Рукоплесканий дружный гам
От пола и до крыши
Потряс харчевню: по углам
Попрятались мыши.
Скрипач, – он был весельчаком –
Кричал и *бис*, и *браво*,
Но кто-то стукнул кулаком,
И стихла вся орава.

Песнь маркитантки

Девницей была я – не помню, когда,
Но счастьем любви не мешают года.
Отец мой был бравый драгун, говорят,
И мил оттого мне, должно быть, солдат.

Мой первый избранник, веселый буян,
Румян был и статен и бил в барабан,
Лицом и повадкою истинный хват –
Пленил мне сердечко красавец солдат.

Но тут подвернулся толстяк капеллан:
Я, золота ради, пошла на обман, –
Однако в богатстве я стала скучать
И в полк за супругом вернулась опять.

Окончились битвы, я стала вдовой,
Но встретился первый возлюбленный мой;
Он в ветхом мундире, под кучей заплат,
Хотя и безногий – был все же солдат.

Как долго живу я – сбиваюсь в годах,
Но с песней и чаркой всегда я в ладах;
Пусть голос и руки порою дрожат –
Я пью за тебя лишь, мой бравый солдат!

Песня дурака

Станет мудрый дураком,
Нарушая воздержанье,
Будет в зале заседанья
И мошенник – простаком.

Мне купила аз да буки
Бабка, бывши при деньгах,
Но бежал я от науки
И остался в дураках.

Подвергать готов за водку
Я опасности бока,
Деньги трачу на красотку:
Ждать чего ж от дурака?

На корове, в пьяном виде,
Был я как-то провезен,
И девицами в обиде
Не напрасно обвинен.

Что же взять с шута-гороха?
Сам я слышал, например,
Будто в роли скомороха
Нынче выступил – премьер.

С дураков, как видно, моду
Люди умные берут:
Адвокат, толпе в угоду,
Сам кривляется, как шут.

В заключение (сухо стало
Что-то в горле без глотка)
Все они, клянусь, нимало
Не умнее дурака!

Матроны опытной черед
Настал теперь, не первый год
Известной хитрою уловкой,
С какой выживала ловко
Она платки и кошельки...
Супруг ее, увы, покойный
(Его постиг конец достойный!) –
Был мастером большой руки,
И так оплакала матрона

Судьбу повешенного Джона.

Песня вдовы

В горах Шотландии рожден,
Держал в презрении закон
И презирал британцев он –
Краса Шотландии, мой Джон.

Хор

Да здравствует шотландец Джон,
Да славится вовеки он!
До отдаленнейших времен
Да здравствует шотландец Джон!

Соло

Гордится им родимый клан;
Накинув клетчатый тартан,
Он привлекал со всех сторон
Улыбки девушек, мой Джон!

И без забот и без труда
Мы жили с ним, как господа,
Британских рож не трусил он,
Краса Шотландии, мой Джон.

Его услали за моря,
Но вновь, отвагою горя,
Ко мне с весной вернулся он, –
И был повешен славный Джон.

Теперь осталась я, увы,
С воспоминаньями вдовы!
Не возвратить былых времен,
Когда со мною был мой Джон.

Скрипач, на свадебных балах
Пиликавший во всех домах,
Пленился рослою матроной;
Он был как раз ей по плечо,
И страсть кипела горячо
В душе наивной и влюбленной.

Подняв мечтательно на даму
Свои глаза – сыграл он гамму,
И, перейдя в минорный тон,
Миниатюрный Аполлон
Немедленно, во славу пола
Прекрасного – исполнил соло.

Песня скрипача

Слезу печали осуши,
Царицей будь моей души,
Себя напрасно не круши, –
 Всё в мире – трын-трава!

Играю я, и не во гнев
Сознаюсь вам: у жен и дев –
Один излюбленный напев:
 Всё в мире – трын-трава!

На свадьбе ли, на празднестве –
Везде мы будем во главе,
И зашумит же в голове
 Под клики: трын-трава!

Под ярким солнечным лучом
Нам горе будет нипочем
И вместе дружно запоем:
 Всё в мире – трын-трава!

Лишь уступи моим мольбам:
Пока вожу я по струнам,
Нужда и голод будут нам
 С тобою – трын-трава!

Но тут красоткой сгоряча
 Пленился медник бравый;
Он сгреб в охапку скрипача,
 Грозя рапирой ржавой.

И грозно он воскликнул: «Брось!
 Оставь ее в покое!
Я прокалю тебя насквозь,
 Как вертелом – жаркое!»

Затрепетал пред ним бедняк;
Подняв с испугом взоры,
Просил пощады он, – и так
Окончились их споры.

Песня медника

Мой милый друг, весь свет вокруг
Я обошел с работою;
Чиню, кую, и в жизнь мою
Не ведаюсь с заботою.

Вербовщики в свои полки
Меня манили золотом,
Но, плату взяв, от них бежав,
Опять хожу я с молотом.

Меня бери, и нос утри
Ты свистуну плаксивому;
С тобой вдвоем шутя пойдем
Мы к жребию счастливому.

Со мной нужды не встретишь ты:
Клянусь бутылью с водкою!
Поверь словам – иль пусть я сам
С сухой останусь глоткою.

Достался меднику успех:
Под впечатленьем страсти
(Сказалось тут и чарок всех
Влияние отчасти) –
Красотка, сильно ослабев,
На грудь его упала.
И, неудачу потерпев,
Сконфуженный сначала,
Скрипач, как с тактом джентльмэн
Попал, однако, в жилку
И, избегая пошлых сцен,
Поставил им бутылку.

За их здоровье выпил всяк.
Тогда привстал на месте

Поэт бродячий, весельчак
И бывший друг невесты.
Фортуна злобная его
Гнала неумолимо,
И только сердце у него
Осталось невредимо.
Страдал одною жаждой он,
Любил одно веселье,
И так запел он, вдохновен
Богинею похмелья.

Песня поэта

Я сам поэт!
Надменный свет
Мне чужд и всё такое...
Но мне пример –
Старик Гомер:
Плевать на остальное!

Мне чужд союз
Высоких муз,
Кастальский ключ – пустое!
Пред нами он –
Мой Геликон:
Вино и всё такое!

За милых дам
Я жизнь отдам
И кровь, и всё такое!
Но вечных уз –
Хотя не трус –
Я избегаю вдвое.

Виною зол –
Прекрасный пол,
Их нрав и всё такое...
Бросай их сам
И их сердцам
Милее будешь вдвое.

Так пел поэт. Рукоплесканий гром
Потряс собою ветхий дом,

И похвалы им вторили, как эхо –
Дань заглушенного успеха.
Из раскутившихся гуляк
Опустошил свои карманы каждый,
Себе оставив лишь пустяк
На утоленье адской жажды.

И вновь поэта окружив,
Потешить песнею отборной –
Просили все его наперерыв.
Тогда, польщенный непритворно,
Поднялся бард, и окружен
Красавицами с двух сторон,
Он затянул с блестящим взором
Напев, подхваченный всем хором.

Хоровая песня

За дымящуюся жженкой,
Здесь, за чашей круговой,
Мы прославим песней звонкой
Прелесть жизни кочевой.

Пропадай с породой знатной
И богатство заодно!
Лишь бы нам жилось приятно –
Где и как? Не всё ль равно?

Целый день с готовой басней
Мы из дома бродим в дом;
Ночь бывает тем прекрасней
В риге брошенной – вдвоем.

Легче поезда вельможи
Ноги резвые мои,
На супружеском ли ложе –
Слаще радости любви!

В мире всё полно различий,
Для чего ж себя ломать?
Пусть же держатся приличий
Те, кому есть что терять.

Выпьем, братья, пенной влаги

За суму и костыли,
И да здравствуют бродяги –
Цвет британския земли!